

DOI: <https://doi.org/10.60797/RULB.2024.60.3>ОБСЦЕНИЗАЦИЯ КАК СПЕЦИФИЧЕСКАЯ ЧЕРТА СОВРЕМЕННОГО МЕДИАДИСКУРСА (НА
МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКОВ)

Научная статья

Колесник Т.И.^{1,*}¹ ORCID : 0000-0002-5613-6279;¹ Луганский государственный педагогический университет, Луганск, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор (taikolesnik[at]gmail.com)

Аннотация

В статье проводится анализ особенностей функционирования обсценизмов в современном русском и немецком медиадискурсе. В ходе исследования были использованы метод сплошной выборки, описательный и структурный метод, метод контекстуального анализа. Установлено, что обсценизмы употребляются в скрытой и открытой форме. Основными способами скрытия являются типографские символы, сокращение, графическое искажение, функция скрытых медиа. Открыто используемые обсценные единицы на основе критерия прагматической полярности разделяются на две группы – условно-положительные и отрицательные. В результате исследования автор приходит к выводу, что обсценная лексика в медиадискурсе может реализовать рекреативную и инвективную функции, выступать средством лингвистического креатива или инструментом вербальной агрессии.

Ключевые слова: обсценная лексика, окказиональный обсценизм, лингвокреатив, инвектива, медиадискурс.

OBSCENIZATION AS A SPECIFIC FEATURE OF MODERN MEDIA DISCOURSE (ON THE MATERIAL OF THE
RUSSIAN AND GERMAN LANGUAGES)

Research article

Kolesnik T.^{1,*}¹ ORCID : 0000-0002-5613-6279;¹ Lugansk State Pedagogical University, Lugansk, Russian Federation

* Corresponding author (taikolesnik[at]gmail.com)

Abstract

The article analyses the specifics of the functioning of obscenisms in modern Russian and German media discourse. In the course of the research the method of solid sampling, descriptive and structural method, method of contextual analysis were used. It was found that obscenisms are used in hidden and open forms. The main ways of concealment are typographical symbols, abbreviation, graphic distortion, hidden media function. Openly used obscene units are divided into two groups – conditionally positive and negative – based on the criterion of pragmatic polarity. As a result of the research, the author concludes that obscene vocabulary in media discourse can fulfil recreational and invective functions, act as a means of linguistic creativity or a tool of verbal aggression.

Keywords: obscene vocabulary, occasional obscenism, linguocreative, invective, media discourse.

Введение

В настоящее время все больше сфер человеческой жизни переходит в виртуальное пространство – работа, образование, развлечения реализуются посредством интернета. Новые возможности открывает интернет-коммуникация, позволяя обмениваться информацией пользователям, независимо от их местоположения, возраста или социального статуса. Медиадискурс также претерпевает изменения, отражая особенности речевого поведения интернет-пользователей: все чаще в нем встречаются характерные для разговорной речи англо-американизмы, сленг, жаргон, сниженная и обсценная лексика. Под обсценной лексикой принято понимать непристойное, бранное выражение, ругательство [6], и в разных языках к этой категории относится лексика различной степени экспрессивности. В немецком языке обсценизмы представлены проклятиями (*Fluche*) и бранью (*Schimpfwörter*): в первом случае речь идет о гневном восклицании (*im Zorn gesagtes Kraftwort*) [8], а во втором скорее об адресном выпаде в сторону другого человека с целью обидеть (*beleidigendes, derbes oder vulgäres Wort*) [8]. В русском языке пласт грубой лексики гораздо более обширен, и В.И. Жельвис отмечает богатое разнообразие ее именованной: брань, ругань, непристойные слова, обзывание, поношение, табуированная и ненормативная лексика. Ученый предлагает условное разделение такой лексики на три группы – табуированную, обзывания и гневные восклицания, указывая на возможность их пересечения [2, С. 111]. Кроме того, в русском языке существует специфическая категория особенно грубой лексики – мат, который М.А. Кронгауз называет «уникальной языковой и культурной системой с большим количеством разнообразных функций» [3, С. 109]. Определяя мат как «национальное достояние», ученый тем не менее говорит о необходимости системы правил, которая регулирует использование бранной лексики [3, С. 110].

В современном обществе наблюдается нарастающая тенденция к пренебрежению правилами использования обсценной лексики, что наиболее заметно проявляется в медиасреде. Ранее бранные слова считались признаком спонтанности и явлением, свойственным устной речи, но современные исследования фиксируют значительное влияние новых медиа на письменное употребление обсценизмов [9, С. 14]. Пристальное внимание лингвистов

обращено к проблеме «детабуизации сквернословия» [5, С. 56–57], то есть повсеместного употребления обсценных единиц в различных сферах медиадискурса. Целью настоящей статьи является анализ особенностей функционирования обсценных единиц в современном русском и немецком медиадискурсе.

В качестве материала исследования методом сплошной выборки было отобрано более 300 обсценных единиц, употребляемых в русско- и немецкоязычном сегменте пользователей микроблогинговых платформы X (Twitter) и Telegram за период 2022-2024 гг. Для анализа исследуемого явления использованы описательный и структурный метод, а также метод контекстуального анализа для определения прагматики обсценных единиц.

Основные результаты

В медиадискурсе обсценная лексика является средством усиления экспрессивности, трансляции сильных эмоций, экспликации авторской оценки и используется не только в неформальной межличностной коммуникации, но и в авторских каналах блогеров, журналистов, общественных деятелей для привлечения внимания аудитории и создания собственного стиля. Тем не менее, обсценные единицы не всегда используются явно в своей полной форме, они могут быть частично или полностью скрыты, например, в связи с правилами интернет-платформы. Далее рассмотрим основные способы вуалирования обсценной лексики.

1. Типографские символы (астериск, точка или многоточие, коммерческое at, цифры и др.) заменяют одну или несколько букв внутри слова, что позволяет сохранить обсценный элемент и при этом обойти установленный запрет на использование нецензурной лексики: *еб@ло*, *З.14-здец*, *я всё твоё святое е...ал*, *ху...вый спортсмен*, *ху**ёй на палке*; *du F*tze*, *verp!ss dich*, *ein absolutes @rschloch*, *schei\$se*.

2. Сокращение осуществляется опущением слогов или букв в обсценном выражении:

- аббревиация затрудняет восприятие, так как требует от реципиента либо знания готовой аббревиатуры, либо ее дешифрации с помощью языковой догадки: *рубрика «тп» месяца представляет; право на пнх должно быть закреплено в основном законе; DW пора в ДБ переименовывать; Jaja sagen und LMAA denken; fml, ich muss morgen früh arbeiten; nächste Woche Sonntag 26 fml*;

- усечение обсценного выражения до начальных букв упрощает интерпретацию: *да вообще пох; dieses ALoch; der kleine Huso*;

- сокращение посредством консонантного письма (опущение гласных) позволяет минимально скрыть обсценный элемент и сделать его понятным для широкой публики: *идиоты*, *блть*; *малолетний ндрс*; *это пздц*; *was ein Hrnshn*; *da war wohl ein WXR zu viel im Tweet*.

3. Графическое искажение – это скорее авторский способ вуалирования обсценных единиц, поэтому такой вариант характеризуется высокой вариативностью. Одним из приемов графического искажения обсценной лексики является написание «на слух», по ее фонетическому звучанию: *на улице пуста как холодно; какой стресс испытал, пистец; я в ахое и горжусь; dies war woke Shice; kann man machen, ist aber shice*. В русском медиадискурсе распространенным вариантом одного из наиболее частотных обсценных единиц является его зеркальная форма: *не на Кремль им идти, а на ЙУХ; а йух его знает; пусть последний йух без соли доедает*.

Использование латиницы в качестве маскировки обсценности также является распространенным в русскоязычном сегменте креативным приемом: *мерзкий pidor; кто же настоящий Pidoras; ebat' что творит этот мэн*.

4. Скрытые медиа – одна из функций, доступная на платформе Telegram. Форматированные таким образом текст или изображение скрываются для читателей полупрозрачной мерцающей обложкой, которая исчезает при нажатии на нее. Таким образом авторы могут скрывать нелицеприятное содержимое, предоставляя читателю возможность выбора. Тем не менее, считаем, что такой способ выполняет скорее аттрактивную функцию, чем маскировочную, так как привлекает внимание и пробуждает любопытство аудитории.

Обсценная лексика обладает определенной языковой прагматикой, то есть содержит лексикализованную оценку действительности, содержания сообщения или адресата [1, С. 136]. Учитывая сплетенность прагматической и семантической информации [1, С. 143–144], целесообразным в отношении обсценной лексики представляется не проведение четкой границы между прагматикой и семантикой, а комплексное исследование с привлечением всех значимых аспектов коммуникации [7, С. 12]. На основе критерия прагматической полярности открыто употребляемые в медиадискурсе обсценные единицы, или явные обсценные единицы, могут быть отнесены к двум группам – условно-положительные и отрицательные.

К условно-положительным мы относим обсценные единицы, которые реализуют рекреативную функцию. Так как брань – это грубый, вульгарный пласт лексики, полностью положительным его считать нельзя. Тем не менее, в некоторых случаях употребление обсценности мотивировано не стремлением обидеть, унижить, дискредитировать объект, а имеет своей целью развеселить, рассмешить читателя. Такая лексика зачастую представляет собой окказионализм с обсценным компонентом (здесь и далее в оригинальных текстах – полное написание, без точек. – Т. К.):

1. *Знаете ли вы, как будет Мухосранск на английском? Шмелёёбск. Vumblefuck* (URL: <https://t.me/Archet/560>).

2. *Бизнесменам и вратарям креативщикам на заметку! Каким должен быть продающий визуальный контент. Спойлер: не пи...до-сверкающим, а смысловым!* (URL: <https://t.me/temalebedev/8143>).

3. *Надо срочно в Съебанистан — «пора уходить, хватит работать»* (URL: <https://t.me/slovodna/6656>).

4. — *Я теперь знаю, как называть комнату у сына – Сынарник!*

— *А когда двое детей в комнате живут, то это уже низДетская* (URL: <https://x.com/KuzbaSStop/status/1714567821282218158>).

5. *Hab gerade mein erstes Date. Ich darf bloß nicht zeigen, dass ich horny bin.*

Er: «Wie alt bist du?»

Nami: «Schwanzig» (URL: https://x.com/Nami_Dancho/status/1621428482960941056).

6. — *Seid ihr fotzig feminin oder atzig maskulin?*

— *fotzig maskulin* (URL: <https://x.com/lilbigpugi/status/1743372306666193047>).

7. "Magst du ein Bum-Bum?"

"Ist das so ein Spiel mit Schießen?"

Scheißkind (URL: <https://x.com/rainerschund/status/1653715398376804352>).

В представленных примерах обценные словообразования являются результатом лингвокреатива и усиливают комический эффект высказывания посредством грубого юмора. Тем не менее, в медиасреде более частотны обценные единицы с негативной прагматикой, или отрицательные обценности.

Отрицательные обценности выполняют инвективную функцию, передают негативное отношение автора к представляемому явлению, событию, личности, выступают средством вербальной агрессии. Источниками бранной лексики выступают табуированные темы, которые определяют границы морали, страха, отвращения человека и вызывают сильные эмоции, поэтому наиболее многочисленные категории составляют обценности, связанные со скатологической, сексуальной, религиозной тематикой, затрагивающие сферу физического и ментального здоровья, животного мира [10, С. 30]. В.М. Мокиенко выделяет две основные тематические группы обценной лексики – «анально-экскрементальную» (Scheiss-культура), которая превалирует в немецком языке, и «сексуальную» (Sex-культура), типичную для русского языка [4]. В медиадискурсе обценные единицы из этих групп действительно служат основой для многочисленных дериватов.

В немецкоязычном медиадискурсе основы *arsch-*, *mist-*, *scheiß-* выступают элементами композитов, которые приобретают отрицательную коннотацию и передают недовольство, разочарование, возмущение, гнев, автора: *arschblöd alles, echt schäbig und arschig, der behinderteste pseudo-cool Mistfilm, den schlecht bezahlten Mistjob, von ihrem toxischen Scheissfreund zu trennen, fahre ich nie wieder in dieses scheißland*.

В русском языке обценности обладают бóльшим деривационным потенциалом, чем в немецком, поэтому в медиасреде встречаются разнообразные инварианты с одним и тем же базовым компонентом. Обценные словообразования часто заменяют нормативные лексические единицы, поскольку характеризуются высоким уровнем экспрессивности и позволяют автору усилить эмоциональность высказывания: *вот такая, брат, е...атория, не прое... ались, а сэкономили, е...ейший подкаст, дать в е...лет, на всю их е...учую нацию, е...анулся на всю голову; щедро опи...дюлили, когда у тебя есть деньги – пи...же, чем когда их у тебя нет, вода была с какой-то припи...дью, распи... дили всё, что не прибито, 17 человек с тяжельми травмами пи...добольства*.

Можно заключить, что обценная лексика в медиадискурсе реализует две основных функции – рекреативную и инвективную. Рекреативная функция реализуется преимущественно в авторских монологических текстах, где обценность используется для придания выразительности, броскости, дерзости, комизма. В межличностном общении чаще проявляется инвективный потенциал обценной лексики, которая превращается в инструмент вербальной агрессии.

Заключение

Таким образом, приходим к выводу, что на современном этапе обценности в медиадискурсе составляют значительный языковой пласт, который способен одновременно оказывать и положительное, и отрицательное влияние на процесс коммуникации. С одной стороны, участники получают возможность самовыразиться, сбросить эмоциональное напряжение. Именно в медиасреде обценная лексика способна стать средством лингвистического креатива, реализуясь в ocasionальных и экспрессивно-эмоциональных инвариантах. С другой стороны, использование обценностей должно быть допустимо только в бытовом дискурсе, так как распространенность в авторитетных источниках информации способно сформировать у широкой аудитории представление о снижении значимости литературной нормы.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование. Но рецензент или автор статьи предпочли не публиковать рецензию к этой статье в открытом доступе. Рецензия может быть предоставлена компетентным органам по запросу.

Review

All articles are peer-reviewed. But the reviewer or the author of the article chose not to publish a review of this article in the public domain. The review can be provided to the competent authorities upon request.

Список литературы / References

1. Апресян Ю.Д. Интегральное описание языка и системная лексикография: избранные труды / Ю.Д. Апресян. — Москва : Школа «Языки русской культуры», 1995. — 767 с. — ISBN 5-88766-045-7.
2. Жельвис В.И. «Грубость»: проблемы классификации лексики / В.И. Жельвис // Вопросы психолингвистики. — 2008. — № 7. — С. 109–113.
3. Кронгауз М. Русский язык на грани нервного срыва / М. Кронгауз. — Москва : Знак : Языки славянских культур, 2007. — 232 с.
4. Мокиенко В.М. Русская бранная лексика: цензурное и нецензурное / В.М. Мокиенко // Русистика. — 1994. — № 1/2. — С. 50–73.
5. Сковородников А.П. Экология русского языка : словарь лингвоэкологических терминов / А.П. Сковородников. — 2-е изд., стереот. — Москва : ФЛИНТА, 2018. — 384 с.
6. Ефремова Т.Ф. Современный толковый словарь русского языка / Т.Ф. Ефремова // gufo.me. — 2021. — URL: <https://gufo.me/dict/efremova/> (дата обращения: 19.08.2024).

7. Тимофеева М.К. О границах и содержании прагматики / М.К. Тимофеева // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2018. — Т. 16. — № 3. — С. 5–18.
8. DWDS – Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache : webseite. — URL: <https://www.dwds.de/> (datum: 19.08.2024).
9. Fuchs S. Digitale soziale Medien und der Sprachwandel im Licht von Mündlichkeit und Schriftlichkeit / S. Fuchs, S. Jannedy, A. Meinunger // Bericht über das Forschungsjahr 2017. — Berlin : ZAS, 2018. — S. 11–17.
10. Meinunger A. Schmutzige Sprache? Beleidigung mit Fäkalbegriffen im Deutschen und in anderen Sprachen / A. Meinunger // Politik & Kultur. — 30 s.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Apresjan Ju.D. Integral'noe opisanie jazyka i sistemnaja leksikografija: izbrannye trudy [Integral language description and system lexicography: selected works] / Ju.D. Apresjan. — Moscow : School "Languages of Russian Culture", 1995. — 767 p. — ISBN 5-88766-045-7. [in Russian]
2. Zhel'vis V.I. «Grubost'»: problemy klassifikatsii leksiki [«Roughness»: problems of lexical classification] / V.I. Zhel'vis // Issues in Psycholinguistics. — 2008. — № 7. — P. 109–113. [in Russian]
3. Krongauz M. Russkij jazyk na grani nervnogo sryva [The Russian language on the verge of a nervous breakdown] / M. Krongauz. — Moscow : Znak : Jazyki slavjanskih kul'tur, 2007. — 232 p. [in Russian]
4. Mokienko V.M. Russkaja brannaja leksika: tsenzurnoe i netsenzurnoe [Russian profanity: censorial and obscene] / V.M. Mokienko // Russistics. — 1994. — № 1/2. — P. 50–73. [in Russian]
5. Skovorodnikov A.P. Ekologija russkogo jazyka [Ecology of the Russian language] : a dictionary of linguo-ecological terms / A.P. Skovorodnikov. — 2 ed., stereot. — Moscow : FLINTA, 2018. — 384 p. [in Russian]
6. Efremova T.F. Sovremennyj tolkovyj slovar' russkogo jazyka [Modern explanatory dictionary of the Russian language] / T.F. Efremova // gufo.me. — 2021. — URL: <https://gufo.me/dict/efremova/> (accessed: 19.08.2024). [in Russian]
7. Timofeeva M.K. O granitsah i soderzhanii pragmatiki [On the limits and content of pragmatics] / M.K. Timofeeva // Bulletin of Novosibirsk State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication. — 2018. — Vol. 16. — № 3. — P. 5–18. [in Russian]
8. DWDS – Digitales Woerterbuch der deutschen Sprache [DWDS – Digital Dictionary of the German Language] : website. — URL: <https://www.dwds.de/> (accessed: 19.08.2024). [in German]
9. Fuchs S. Digitale soziale Medien und der Sprachwandel im Licht von Muendlichkeit und Schriftlichkeit [Digital social media and language change in the light of orality and literacy] / S. Fuchs, S. Jannedy, A. Meinunger // Report on the Research Year 2017. — Berlin : ZAS, 2018. — P. 11–17. [in German]
10. Meinunger A. Schmutzige Sprache? Beleidigung mit Faekalbegriffen im Deutschen und in anderen Sprachen [Dirty language? Insulting with faecal terms in German and other languages] / A. Meinunger // Politics & Culture. — 30 p. [in German]